

Локализация непрофессионализма – необходимое условие современной политической науки

Константин ФЕОФАНОВ

Исторические трансформации и абберрации роли обывателя в политической науке

Ещё в XIX в. социальная философия учёных, основателей будущей политической науки, становилась порождением мыслительной деятельности отдельных выдающихся теоретиков, и вряд ли кто-то мог всерьёз интересоваться идеями рабочего или крестьянина о политических институтах и управлении государством. Но с ускоренным развитием политической и социологической наук, использованием новых для того времени методов получения информации о населении и избирателях исследователи стали

значительно больше интересоваться мнением обывателей-неспециалистов. Особую роль сыграла социалистическая революция в России, один из известных ценностных ориентиров которой гласил, что «любой чернорабочий и любая кухарка» (из работы В.И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?») должны научиться управлять государством.

В свою очередь, политические изменения в Советской России повлияли на управленческие реформы в странах Запада в сторону развития

ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *SPIN-код*: 5086-2934, *E-mail*: konstantin.feofanov@gmail.com

Ключевые слова: политическая наука, профессионализм, постправда.

программ социальной поддержки трудящихся. В целом по сравнению с XIX в. в мире возобладал тренд на более широкое участие народных масс в политическом процессе. Конечно, в каждой стране вовлечённость обывателя в общественно-политическую активность имела различные формы: от действительного до имитационно-демонстративного участия в обсуждениях, программах средств массовой информации, альтернативных выборах и структурах гражданского общества.

На 20–30-е годы XX в. приходится бум американской прикладной политологии и социологии, обеспечивших создание и совершенствование множества эмпирических исследовательских методов, которые использовали в качестве источника информации данных и знаний «обычного» человека, гражданина, избирателя, носителя общественного мнения по актуальным проблемам. В период не только общественно-политической, но и научно-социологической «оттепели» в СССР в 60-х годах было ускоренно компенсировано длительное неполучение советскими исследователями информации о «рядовом» гражданине. Специфические в различных странах, зависящие от степени имитационности, но в целом усилившиеся на протяжении XX в. демократические процессы в сочетании с интересом общественных наук к «простому» человеку и общественному мнению обывателя на десятилетия сформировали научную моду, привычку и традицию, если уж не всегда действительно интересоваться общественным мнением «рядовых респондентов» по актуальным вопросам и приглашать их к профессиональной дискуссии, то, по крайней

мере, декларировать этот интерес и добавлять в выводы научных работ тематически подходящие упоминания об общественном мнении массового обывателя.

Для 50–60-х годов в США, традиционно отличавшихся прикладным позитивистским характером политологии и социологии, характерно возрастание интереса к экспертным исследованиям, что было обусловлено как внутренней логикой развития политологической методологии, так и экстранаучными политическими причинами, а именно кризисными процессами в американо-советских отношениях, наиболее проблемной точкой которых стал Кубинский кризис 1962 г.

Множественные аналитические центры, или «резервуары для мыслей» (*think tanks*), такие как, например, *RAND Corporation*, на основе привлечения экспертного знания стремились моделировать ситуации, анализировать имевшиеся в советско-американских отношениях напряжённости, прогнозировать возможное развитие событий, моделировать международно-политическую реальность. Решение сложных задач требовало привлечения именно экспертного знания. Данный период высвечивает эту проблему очень явно, убедительно указывая на невозможность решения сложных и серьёзных задач на основе массового общественного мнения и сомнительных знаний обывателей-неспециалистов о мировом устройстве.

Так был разработан, в частности, метод Дельфи, совершенствовались другие экспертные методы, позже был обоснован и практически использован сценарный метод, – все они применяются и сегодня.

Серьёзные проблемы в международных отношениях на рубеже 60-х годов способствовали развитию именно экспертных методов и привлечению профессионалов к политическим исследованиям. Но внимание к общественному мнению широких социальных слоёв, к мнению обывателей-неспециалистов уже существовало в качестве своеобразной базовой константы.

Политическая наука в советский период оказалась в ещё более трудном, чем социология, положении. Специфический подход государства рабочих и крестьян к политологии, изучающей политику и политические проблемы, заключающийся в непризнании её самостоятельного статуса, с неизбежностью привёл к искажённой гиперреализации терминологического аппарата, многодесятилетней «профессиональной» привычке не называть политические явления и процессы своими, но всегда чужими именами. В рамках научного коммунизма, исторического материализма и политической экономии в соответствующих институциональных подразделениях, кафедрах, отделениях и факультетах, впрочем, происходило длительное накопление политологических знаний, которое вместе с началом перестройки в середине 80-х годов было реализовано в новом этапе развития политической науки.

В России 90-х годов на волне демократических и псевдодемократических процессов и процедур широкое вовлечение обывателей в общественно-политический дискурс стало довольно распространённым. «Черноработчие и кухарки», так ничему и не

научившись, тем не менее получили возможность «управлять государством» или как минимум активно высказывать мнение в средствах массовой информации.

Возникла ситуация, которую описал А.А. Зиновьев: «Каждый, кто имеет какой-то опыт жизни в данном обществе, считает себя его знатоком. Он воображает, будто нет ничего проще, чем понимание явлений, которые они видят своими глазами, среди которых живут, в которых принимают участие и которые сами творят. А те из них, кто занимает какое-то высокое положение в обществе и имеет возможность публично высказываться на социальные темы, считают себя и считаются другими высшими экспертами в них. Даже актёры и спортсмены высказываются на социальные темы с таким апломбом, будто изучали их профессионально... Понимание общества не даётся автоматически опытом жизни в этом обществе» [1].

Особое место получили ток-шоу с привлечением представителей населения, гражданского общества и избирателей, отличавшихся высокой коммуникативной активностью и низким уровнем понимания обсуждаемых вопросов. Состав участников общественно-политических дискуссий, как правило, бывал довольно эклектичным, и только отдельные «интеллектуальные» беседы на менее массовых телеканалах отличались участием представителей исключительно научного сообщества, которые не были дилетантами в политической, социологической и исторической науке и профессионально разбирались в обсуждаемой тематике. Более массовые же, по показателям телесмотра, телеканалы нередко практикуют смешанный способ отбора участников: в студию

¹ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. С. 10–11.

могут быть приглашены несколько экспертов – представителей политологического сообщества, а компании им в обсуждении актуальных общественно-политических проблем составляют маскирующиеся под профессионалов, «знающие» всё обо всём дилетанты и критиканы, не имеющие никакого отношения к политологии, социологии или истории.

Массовое распространение цифровых технологий в 2000-е годы привело к возникновению множества новых каналов массовой коммуникации в Интернете, утрате телевидением монополии на информацию, качественному переходу к плюралистической перенасыщенности распространителей, интерпретаторов и форматов транслируемой информации.

Особенности профессионального и непрофессионального общественно-политического дискурса

В политологии и социологии профессиональные сообщества используют публикацию научных статей, монографий, выступления на научных конференциях и круглых столах в качестве инструментов распространения месседжей и нарративов*.

Отбор для участия в качестве адресанта (автора, источника, отправителя или распространителя) месседжей и нарративов более строгий, чем в непрофессиональном сообществе, и, как правило, предполагает наличие профильного образования и активности в соответствующей профессиональной сфере. Адресат в профессиональном дискурсе тоже обычно характеризуется профессиональным образованием и принадлежностью к профессиональной сфере деятельности.

Профессиональные участники общественно-политического дискур-

са – это квалифицированные и активные в соответствующих областях (наука, исследования, анализ, консалтинг, образование, журналистика, политология, социология, истории и т. д.) специалистами. Квалифицированные представители других профессий (журналисты, инженеры, врачи, театральные режиссёры, политики и государственные чиновники) являются неспециалистами в области общественно-политических проблем, несмотря на то, что их мнения по вопросам на пересечении социально-гуманитарного, управленческого, медицинского и инженерно-технического дискурсов могут оказываться полезными.

В непрофессиональном дискурсе месседжи и нарративы передаются и интерпретируются в повседневном общении обывателей, распространяются СМИ. Непрофессиональный дискурс характеризуется экспрес-

* Месседж (message) – послание, сообщение, однако в данном понятии присутствуют и такие значения, как суть, подтекст, цель, мораль, смысл и читать между строк.

Нарратив (narrative) – язык повествования; термин заимствован из историографической концепции нарративной истории, в которой события интерпретировались через субъективно окрашенные рассказы о них.

сивностью и понятийной неточностью, обладает многими чертами, которых нет в профессиональном [2]. Неспециалисты не разбираются в политологии, социологии и истории, обладают крайне поверхностными представлениями о ключевых понятиях и обозначаемых ими явлениях и процессах, не понимают взаимосвязи между ними. В основном уверенные высказывания обывателей сводятся к эмоциональному одобрению или неодобрению политиков, их визуальному имиджу, отдельных высказываниям или к выражению идеологического конформизма.

Смещение участников (специалистов и неспециалистов) априори снижает уровень дискуссии, обоснованность и достоверность сообщений и нарративов, способствует непримиримым ценностно-нормативным конфликтам и необоснованному навешиванию ярлыков на оппонентов. Встреча профессиональных экспертов с «представителями широкой общественности» в телевизионных, радио- и интернет-канальных дискуссиях и особенно в социальных сетях, априори делает дискурс непрофессиональным, не имеющим возможности претендовать на минимальную адекватность предлагаемых высказываний и объяснений. В таких случаях всё

научно обоснованное и практически полезное, что может внести в обсуждение специалист-политолог, не будет понято обывателями-неспециалистами, которые, кроме озвучивания собственных проблем и заведомо ошибочных предположений, не могут внести в обсуждение ничего содержательно ценного.

Незнание базовых понятий и полная невозможность их адекватного понимания делает любые представления обывателей о социально-политических процессах ничтожными и для профессионального дискурса пренебрежимыми.

Тем не менее представители профессионального политологического сообщества проявляют удивительную наивность и толерантность к безграмотности и непризнанию авторитета специалиста, позволяя себе быть на равных вовлечёнными в бессмысленные обсуждения с невежественными неспециалистами. Аналогичная ситуация показалась бы нонсенсом, например, дипломированному специалисту в области медицины или ядерной физики, обоснованно не намеренным даже в течение нескольких секунд выслушивать предложения неспециалиста по лечению заболеваний или оптимизации работы ядерного реактора.

Деградация общественно-политического дискурса в условиях постправды

Коренному изменению особенно-стей распространения и восприятия информации привела «сетевизация» массовых коммуникаций в

90-е годы. В отличие от обществ 50–100-летней давности для настоящего времени характерны не недостаток, а переизбыток информации

² Косарина А.А., Федотова А.Е. Политическая терминология и номенклатура в рамках непрофессионального дискурса // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2015. № 4. С. 187.

и невозможность для каждого конкретного сообщения определять степень его истинности. Как следствие, правда и ложь уравниваются в правах и влиянии на потребителей информации, а профессиональный и непрофессиональный общественно-политические дискурсы уравниваются в восприятии реципиентов информации с точки зрения возможности получения ими точной, полезной и соответствующей действительности информации.

Во всех областях человеческого знания – от устройства политических режимов и экономик до вирусологии и квантовой механики – интерпретации неспециалистов и профессоров с десятилетиями профессионального опыта воспринимаются большинством людей как равнозначные по значимости и истинности. Сообщение, разосланное в социальных сетях одноклассником без медицинского или биологического образования о новом вирусе-мутанте, окажет большее влияние на мнение и практические действия получателя, чем мнение академика-вирусолога.

Ценности и нормы, идеологии и мировоззрения в сознании получателей информации уже сформированы на протяжении всей предыдущей жизни и наполнены сочетанием в различной степени упорядоченных и осознанных фактов и фейков, стереотипов и симулякров, полезной и мусорной информации. Такое сознание не позволяет воспринимать любую новую информацию, воспроизведённую как профессионалами, так и неспециалистами, как заслуживающую внимания и доверия.

Нет никакой разницы, что именно передаётся в месседже или нарративе. Что бы ни говорили профессионалы и непрофессионалы, какими бы убедительными, правдивыми и талантливыми ни были бы утверждения и факты, понимание адресата больше не будет изменяться и корректироваться в результате получения любой информации.

Единомышленники с близкие ценностями и интересами, взаимодействующие в психологически комфортных ценностных кластерах, эмоционально поддерживают любую приемлемую для сообщества идею. Информация извне сообщества не воспринимается и не рассматривается. Тотальное принятие «удобной» и отторжение «неудобной» информации с неизбежностью приводит к безвозвратному отрыву от реальности, массовому уходу в «частную» и «личную» реальность, причём не только среди обывателей, но и среди специалистов-профессионалов.

Масштаб этой проблемы в политической науке значительно больше, чем в естественных и точных. В естественных и точных науках факты всё ещё обладают определённой, со временем неуклонно уменьшающейся «принудительной силой», заставляя обывателей и специалистов хотя бы время от времени прислушиваться к мнению специалистов (например, рекомендациям врачей).

«Ценность», например, «медицинских» рекомендаций неспециалиста может иметь отрицательные последствия, а сами рекомендации – представлять опасность и угрозу для жизни и здоровья [3].

³ Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель–Observer. 2023. № 2. С. 47.

Отрицательная величина непрофессиональных интерпретаций и рекомендаций в политической науке осознаётся крайне недостаточно.

Они могут представлять угрозу странам, народам и всему человечеству, приводя к многомиллионным человеческим жертвам.

Аберрации профессионализма в профессиональном политологическом сообществе

Справедливости ради следует отметить, что профессиональный политологический дискурс тоже не свободен от коммуникации «на разных языках», квазинаучных аберраций и высокой степени взаимного непонимания участников вследствие *депрофессионализации* [4].

Данный феномен имеет как профессионально-методологические (субъективные предпочтения по авторам и школам, специализация на своих темах и направлениях при меньшем внимании к другим, узкая направленность в ущерб широкой образовательно-компетентностной подготовленности), так и социокультурные объяснения: влияние господствующих общественных и групповых ценностей; готовых объяснений; идеологических, религиозных, эзотерических и философских догм; недостаточно качественное базовое или непрофильное базовое образование; трудности репрофессионализации; демотивация; профессиональное выгорание; компенсация низкого компетентностного уровня посредством участия в интригах и коррупции; эффект Даннинга – Крюгера как метакогнитивное искажение (завышенная профессиональная самооценка при посредственном и поверхностном уровне профессионализма).

Разновидностью непрофессионализма является *псевдопрофессионализм* – соблюдение формальных требований, имитация профессионализма и бурной деятельности при деформации содержания и реальной неэффективности, безответственность, карьеризм и формализм.

Технологии непрофессионализма в профессиональной среде могут, например, включать:

- вытравливание профессионалов, владеющих знаниями о социальных и технологических процессах во всей их полноте (реальных экспертов), из активной трудовой среды;
- технологию забалтывания реальной проблемы рассуждениями о сторонних смыслах, цитированием текстов законов, планов, программ вместо предоставления конкретного ответа на конкретно поставленный вопрос;
- технологию умолчания, ухода от ответа на вопрос, непосредственно стыкующуюся с указанной выше технологией;
- технологию компрометации любителей задавать острые вопросы и (или) их устранение с социально-экономической и, соответственно, политической арены;
- технологию легитимации регламентов, позволяющих непрофессио-

⁴ Феофанов К.А. Цивилизационные детерминанты квазинаучности в российских социально-гуманитарных знаниях // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3.

налам, имеющим ресурс власти, предопределять деятельность профессионалов;

– технологию имитации действия вместо реального действия во всей полноте параметров, востребованных реальными практиками [5].

Также эффективными непрофессиональными средствами являются многочисленные механизмы искажения реальности, от фейков и симулякров до мифов и популизма, основанного на манипулирова-

нии потребностями и страхами населения, как наиболее эффективного средства влияния на адресата общественно-политического дискурса.

Непрофессионализм в профессиональной среде тоже нуждается в локализации посредством организации работы профессионального сообщества против его распространения и увеличения масштабов (по аналогии с локализацией пожара или стихийного бедствия).

Повышение осознанности профессионального общественно-политического дискурса

Эффективное взаимодействие в общественно-политическом дискурсе предполагает, что в сознании обменивающихся сообщениями и нарративами участников существуют некоторые общие структуры [6].

В качестве таких базовых конструкций выступают политологические, социологические и исторические термины. Их количество в сознании экспертов и профанов может отличаться в сотни и тысячи раз, а качество (правильность и глубина) варьироваться от абсолютного бреда и неадекватности до ошеломляющей гениальности.

Российские дискуссии по общественно-политическим вопросам даже в профессиональном сообществе имеют высокие, нередко критические, ведущие к взаимному непониманию показатели различий в восприятии даже терминов, не говоря уже о рассматриваемых процес-

сах. В непрофессиональном общественно-политическом дискурсе различия в понимании и терминов, и процессов являются сверхчрезмерными, представляя серьёзную когнитивно-коммуникативную проблему, разрушающую и уничтожающую сам дискурс или переводя его во что-то другое (склоку, подавление посредством угроз или физической силы).

Рассмотрение политологических вопросов неизбежно сопряжено с использованием абстрактных понятий для обозначения ключевых социально-политических явлений, таких как: капитализм, традиционные ценности, либерализм, цивилизация, демократия, авторитаризм, тоталитаризм, политический процесс, политические институты, патриотизм, консерватизм, национализм, революция, реформа, реакционность, левые, правые и многих других, которые суще-

⁵ Филипповская Т.В., Терентьева Г.С. Профессионалы, непрофессионализм и практики повседневности // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. № 1–2.

⁶ Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. С. 35–36.

ственно отличаются в понимании участников коммуникации.

Особые трудности во взаимопонимании возникают, когда понятия объединяются в словосочетания и предложения:

- причины Октябрьской революции 1917 г.;

- сильные и слабые стороны СССР;

- причины распада СССР;

- проблемы России в переходный период с 1991 по 1999 г.;

- политические системы и режимы прошлого и настоящего;

- отношения России со странами Запада и Востока.

Многие другие актуальные вопросы новейшего общественно-политического дискурса нередко вообще не выходят на уровень реального рассмотрения и обсуждения, застревая в тотальном взаимном непонимании, в невозможности говорить на общем, понятном для всех языке, не имея возможности быть выраженными во взаимно адаптируемых, сопоставимых и понятных терминах.

По каждой значимой проблеме в сознании участников общественно-политического дискурса возникают совершенно разные понимания и структуры решений, не имеющие между собой ничего общего даже в терминологическом, не говоря уже о предметном и общественно-конструктивном плане. Поэтому дискуссия, как правило, имеет характер монолога, а не диалога и не может быть направлена на достижение общественно полезных результатов, хотя бы в виде нового и лучшего понимания. Вследствие недостаточной укоренённости ключевых когнитивных структур политической, социологической и исторической науки в сознании и мышлении участ-

ников происходит разговор на разных языках, без содержательного совпадения структур и интерпретаций, что превращает общественно-политический дискурс в бесполезный набор разнонаправленных меседжей и нарративов, одновременно транслируемых различными участниками в информационное пространство.

Имеет смысл говорить о необходимости более осознанного методологического и когнитивного структурирования (картирования) общественно-политического дискурса, при котором могла бы быть достигнута большая взаимная согласованность и общее понимание того, что и зачем делают участники общественно-политического дискурса в каждый конкретный момент.

Одним из долгосрочных, ориентированных в будущее способов повышения качества общественно-политического дискурса выступает обеспечение средствами социально-гуманитарного образования большего внимания к пониманию методологической значимости ключевых терминов и их наполнению конкретным содержанием в сознании будущих профессионалов.

В данной связи оказываются методологически бесценными достижения когнитивного картирования в области работы со списками ключевых слов и визуализацией связей между ними с помощью систем, подсистем, элементов, указателей и стрелок разной толщины, системных и когнитивных карт, графиков и диаграмм Ишикавы («рыбий скелет») для каждой изучаемой темы. Подобная работа, сегодня осуществляемая многими энтузиастами в академическом образовательном процессе, позволяет выявить реальные различия

и единообразие подходов, сделать общественно-политический дискурс более прозрачным, понятным, коммуникативно и практически эффектив-

ным, а понимание методологической значимости осознанно-рефлексивной работы с ключевыми терминами – профессиональной нормой.

Необходимые условия для развития современной политической науки

Мнения представителей профессиональных научных сообществ по поводу необходимости локализации непрофессионализма обывателей довольно единодушны: «Имеется насущная необходимость в минимизации влияния даже уважаемых непрофессионалов, включая компетентных в других областях людей, на процесс развития науки» [7].

По поводу угроз собственному профессионализму из-за действия предпосылок депрофессионализации представители профессионального сообщества более сдержанны и менее критичны, в том числе, по-видимому, вследствие вышеописанных исторических aberrаций и связанных с ними архетипов профессионального коллективного бессознательного. В частности, не в полной мере осознаны предпосылки кардинальных изменений в общественно-политическом дискурсе в направлении его депрофессионализации, произошедших в последние 30 лет.

Ситуация, когда мнение выдающихся профессиональных экспертов уравнивается в правах и возможностях воздействия на любые целевые аудитории (население, студенты, коллеги) с мнением пока ещё почти ничему не научившихся подростков, приводит к необходимости активизации алармистского подхода, к принятию практических действий, локализирующих вмешательство обывательского непрофессионализма, обывательской недоразвитости и откровенной «шариковщины» за счёт осознанного размежевания профессионального и непрофессионального дискурса.

Интерпретации и прожекты неспециалистов должны ограничиваться ответственными для них нишами, практику профессионального и непрофессионального общественно-политического дискурса следует развести по разным углам и не сталкивать в обсуждениях, где представители обеих сторон могли бы выступать на равных.

Создание возможностей для несоприкосновения интерпретаций неспециалистов и профессионалов возможно только в случае обособления профессиональных медийных и сетевых сообществ на основе встроенных в профессиональный дискурс перманентного фактчекинга, рефлексивной осознанной структурированности и механизмов обратной связи, действительного углубления высокого профессионализма профессиональных сообществ в сфере политической науки.

⁷ Тригер С.А., Бобров В.Б. Наука в обществе и государстве (заметки для неспециалистов о роли и значении науки в целом и в специфических российских условиях) // Энергия: Экономика, Техника, Экология. 2015. № 3. С. 41.

Синкретическое дискурсивное объединение «чернорабочих» и «кухарок» с «профессорами» следует на новом когнитивно-историческом уровне разрушить посредством дифференциации и диверсификации форматов, площадок и групп для трансляции месседжей и нарративов, а также других коммуникативных возможностей. Локализация непрофессионалов и непрофессионализма, порождённых как в обывательской, так и в профессиональной среде, является необходимым условием сохранения и дальнейшего развития профессионально-научной политологической идентичности.

Главная предпосылка самой возможности дальнейшего развития политической науки заключается в том, что подобное разграничение прежде всего должно состояться в сознании представителей профессионального общественно-политического дискурса.

Библиография • References

- Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. – 460 с.
[Zinov'ev A.A. Zapad. Fenomen zapadnizma. M.: Eksmo, 2003. – 460 s.]
- Косарина А.А., Федотова А.Е. Политическая терминология и номенклатура в рамках непрофессионального дискурса // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2015. № 4. С. 187–191.
[Kosarina A.A., Fedotova A.E. Politicheskaya terminologiya i nomenklatura v ramkah neprofessional'nogo diskursa // Vestnik MGUL – Lesnoj vestnik. 2015. № 4. S. 187–191]
- Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. – 589 с.
[Solso R. Kognitivnaya psihologiya. 6-e izd. SPb.: Piter, 2006. – 589 s.]
- Тригер С.А., Бобров В.Б. Наука в обществе и государстве (заметки для неспециалистов о роли и значении науки в целом и в специфических российских условиях) // Энергия: Экономика, Техника, Экология. 2015. № 3. С. 38–41.
[Triger S.A., Bobrov V.B. Nauka v obshchestve i gosudarstve (zametki dlya nespecialistov o roli i znachenii nauki v celom i v specificheskikh rossijskikh usloviyah) // Energiya: Ekonomika, Tekhnika, Ekologiya. 2015. № 3. S. 38–41]
- Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель–Observer. 2023. № 2. С. 36–51.
[Feofanov K.A. Postpravda – faktor degradacii social'no-politicheskogo diskursa // Obozrevatel'–Observer. 2023. № 2. S. 36–51]
- Феофанов К.А. Цивилизационные детерминанты квазинаучности в российских социально-гуманитарных знаниях // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 55–70.
[Feofanov K.A. Civilizacionnye determinanty kvazinauchnosti v rossijskikh social'no-gumanitarnyh znaniyah // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2017. № 3. S. 55–70]
- Филипповская Т.В., Терентьева Г.С. Профессионалы, непрофессионализм и практики повседневности // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 1–2. С. 192–194.
[Filippovskaya T.V., Terent'eva G.S. Professionaly, neprofessionalizm i praktiki povsednevnosti // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 1–2. S. 192–194]

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2023 г.